

Анке Заливако

Связь авангардной архитектуры Германии и Советской России (На примере зданий 20-х гг. в Москве и Берлине)

Очень верно связь между архитектурным авангардом Москвы и Берлина описал Алексей Сидоров в своей книге «Москва». Выпустило её берлинское издательство «Албертус» в серии «лица городов» в 1929 г. Предисловие книги звучит сегодня настолько актуально, как будто его написали только вчера. Сидоров пишет о ситуации в Москве в 1920-е годы: «По окончании революционных лет Россия ищет новый стиль в архитектуре, который соответствовал бы времени и функциональности. Вначале часто строили по-американски из бетона и стекла, но этот материал не соответствовал московскому климату. Новый архитектурный стиль, характеризующийся крупными и простыми поверхностями, напоминающими современную архитектуру Вены и Франкфурта, больше приспособлен к холодам московской зимы. Бруно Таут и Ле Корбюзье повлияли на московскую школу Архитектуры. Несколько новым и всё-таки «национальным» кажется дом «Моссельпрома»¹. Большой дом в белом и голубом цвете является характерным для новой Москвы. (...) Привлекательность Москвы как раз и состоит в разнообразии её элементов, в частой изменчивости контрастов, в её умышленных противоречиях стилей. Чего-то похожего на единство фасадов, какой-либо перспективный план здесь напрочь отсутствует.»

Сидоров, по-моему, уже касался всех проблем, связанных с советским авангардом и его пониманием. С сегодняшней точки зрения здания авангарда являются только маленькой частью архитектурного наследия страны, но тем более их надо сохранить как часть той противоположности, о которой говорит Сидоров. Более того, некоторые из них стоит сохранить из-за

бесспорной привлекательности для туристов. Сидоров говорит об «американском подходе к строительству» из бетона и стекла. Это значит, что общественность 1920-х годов поняла архитектуру авангарда не как свою родную, а как «импортный товар». А сегодня нам, иностранцам, архитектура советского конструктивизма как раз кажется родной: это мы принимаем ближе, чем большинство московских новостроек. Многие специалисты считают, что архитектура авангарда – это единственная часть советской архитектуры, которая в своё время достигла мирового уровня. Советский конструктивизм родился в соревновании и интенсивном обмене опытом с зарубежными архитекторами. Именно это ему потом и повредило до такой степени, что в 1932 году конструктивизм как архитектурный стиль и подход просто запретили. Но все равно удалось кое-что построить. Уже сегодня в Москве под охраной находятся не менее 70 зданий, построенных в 1920–30-е годы, 37 из них в качестве зарегистрированных памятников архитектуры.

На примере разных типов зданий становятся очевидны параллельность развития и тесные связи между московским авангардом и современным движением 1920-ых годов в Берлине.

Шуховская Радиобашня на Шаболовке в Москве стала синонимом слова «конструктивизм» как чистая конструкция и более того, она стала «иконой» советского авангарда.² И в Берлине построили «Функтурм» тоже как символ начинающегося века индустриализации.³ Технический век символизируют планетарии, которые строились и в России, и в Германии. Их строили по новой технологии с бетоном «торкрет», который наносили на стальную сеть. Оборудовали планетарии и здесь и в Москве оптикой Карла Цейсса из Йены. В Йене планетарий был построен в 1925–26 гг.⁴ Он сохранился до сих пор, а в Берлине был разрушен во время войны. В Москве в первоначальном виде планетарий сохранился до начала реставрации в 2004 г. Купол был построен тоже по технологии «Дикерхоф и Видманн», оборудован оптикой «Цейсс» (см. Илл. 1 и 2). Это большая редкость. Бетон «торкрет» использовали в том числе для сооружения плоских кровель. Пионером в этой области стал знаменитый русский инженер Александр Васильевич Кузнецов (1874–1954). Он пишет осенью 1927 г. в своих воспоминаниях об экскурсии в берлинское торкретное общество, что «наш опыт бетонирования кровли в ЦАГИ (...) оказался почти совпадающим по методам исполнения с немецкими работами».⁵ В Аэродинамическом Институте Кузнецов использовал торкрет

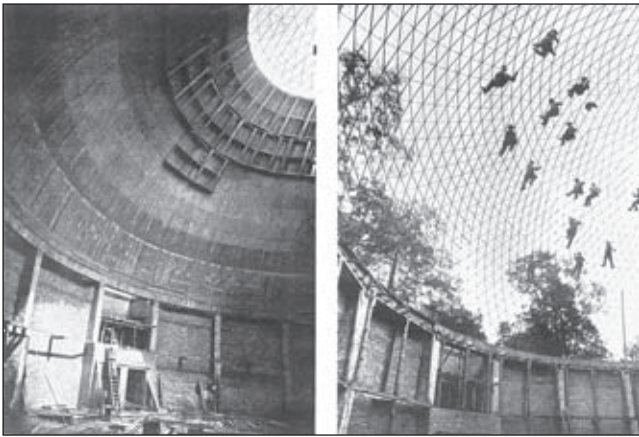
¹ *Московский союз предприятий пищевой промышленности «Моссельпром», Москва, Калашиный пер. 2, 1923 г., арх. Д. Коган.*

² *Радиобашня на Шаболовке в Москве, Ул. Шаболовка 53, г. 1919, арх. В. Г. Шухов.*

³ *Радиобашня «Функтурм» на Мессе – выставочный ареал в Берлине, 1924–26 г., арх. Гейнрих Штраумер. Башня 138 м высоты, имеет антенну, ресторан на 200 человек и предлагает посетителям живописный вид на город.*

⁴ *Планетарий в Йене, 1925–26, арх. Ханс Шрейтер, Йоханнес Шлаг.*

⁵ *Центральный Аэродинамический и Гидродинамический Институт (ЦАГИ) в Москве, ул. Радио 17, 1924–26 г., арх. А. В. Кузнецов., См. А. В. Кузнецов, Торкрет и его применение для плоских крыш, Строительная промышленность 1929, Но. 1, стр. 48.*

Планетарий в Берлине во время строительства, 1926, Julius Vischer/Ludwig Hilberseimer, Beton als Gestalter, Stuttgart 1928, S. 59

Планетарий в Москве во время реставрации, 2005

уже для устройства плоской кровли как двухслойной вентилируемой конструкции с чердаком. Становится понятно, что конструктивисты стали передовиками своего времени, даже в сравнении со своими европейскими коллегами, которые проектировали пока плоскую крышу в один слой, что привело ко многим повреждениям. В Москве, как и в Берлине, применяли

Трансформаторная станция на Лейбництрассе в Берлине после перестройки в дизайнцентр. Снимок 2004 г

торф в качестве изоляционного материала. В итоге все эти поиски новых технологий оказались революцией в строительстве, которая потом стала фундаментом нашей сегодняшней строительной техники с использованием различных методов и материалов. Конечно, сделали много ошибок и в Советском Союзе, и в Европе, где не меньше критиковали и еще критикуют строительную технику 1920-х годов.

Технические здания и институты были одними из главных задач того времени. В двадцатые годы прошлого века в Германии вводили новую систему электрического снабжения, требующую трансформаторных станций. 14 новых трансформаторных станций построил архитектор Ганс Гейнрих Мюллер с 1925 года в Берлине. Его станции работали до 1980-х годов, пока опять не изменилась технология. Несколько станций на долгое время опустели. Трансформаторная станция на Лейбництрассе, потеряв свою функцию, была перестроена в 2000 году в дизайнцентр.⁶ Её конструкция – стальной каркас, заложённый кирпичем. Каркас вместо несущих стен в 1920-е годы стал популярной конструкцией в строительстве. В Берлинском офисном доме «Шелл Хаус»⁷ стальной каркас заложён шлакоблоками из «Зинтопорита»⁸, по виду мало отличающимися от советских шлакоблоков 20-х годов. Как аналогичное здание из Москвы можно назвать, например, Министерство Торговли Российской Федерации «Госторг».⁹ Здесь железобетонный каркас заложён кирпичем.

Кирпич – типичный материал для многих рабочих поселков того времени. Кооперативы, как заказчики, должны были строить очень экономно. Они не шли ни на какие эксперименты. Современный вид этих зданий получился исключительно благодаря необыкновенному применению традиционного материала и красок. Мастером красочного строительства в Германии можно назвать Бруно Таута. Дома в поселке «Целендорф»¹⁰ были окрашены в яркие живые цвета, так что поначалу для жителей это было настолько необычно, что они называли его «попугайским» по-

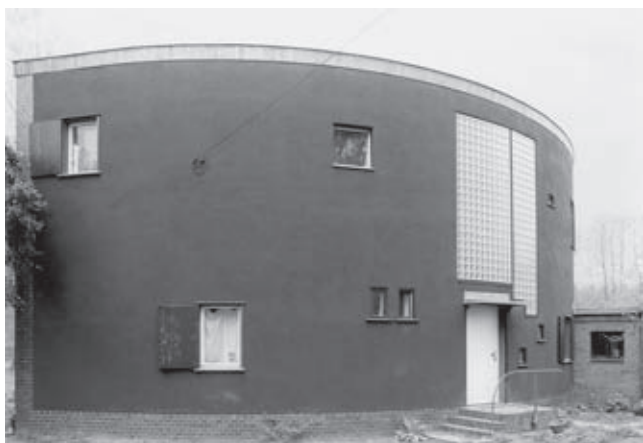
⁶ Трансформаторная станция на Лейбництрассе в Берлине, 1925 г., арх. Ганс Гейнрих Мюллер, реставрация и приспособление под дизайнцентр: Калфельдт архитекторы, Берлин.

⁷ Офисный дом «Шелл Хаус» на Рейхспитти-уфере в Берлине, 1931 г., арх. Ерих Фаренкамп.

⁸ «Зинтопорит» – пористый тёплый бетон, получаемый в результате химической реакции с образованием газа.

⁹ Госторг, затем Министерство Торговли Российской Федерации, на Мясницкой ул. 47 в Москве, 1925–27 г., арх. Б. М. Великовский А. Ю. Лангман, М. Барц.

¹⁰ Поселок «Целендорф», 1915 квартиры, Берлин, Аргентинише алле, 1929–32, арх. Бруно Таут.

Жилой дом Бруно Таута, Визентрассе 14, Далевииц около Берлина, 1927, арх. Бруно Таут. 2003

селком. Однако дома были очень хорошего качества, но постепенно им повредили изменения. В 1970-ые годы на строительном рынке появились пластиковые окна и новые краски для стен. Жители по собственной инициативе начали менять окна. Но новые окна не давали стенам дышать, в результате чего появлялись разные повреждения, как например плесень и отслоение красок. Искажённый вид посёлка после 50 лет существования послужил в Берлине толчком к изучению специфики архитектуры современного движения. Отреставрировали посёлок в 1980-ые годы. Вместе с другими берлинскими посёлками реставрация посёлка «Целендорф» стала «пилотным проектом» охраны памятников г. Берлина в этой области.¹¹ Московские рабочие посёлки, как например посёлок на «Усачевке», очень похожи по планировке и внешности на немецкое рабочее строительство.¹² Интересно, что в Берлине одновременно с новыми посёлками строили новые станции метро, такие, как станция метро «Крумме Ланке».¹³ Таким образом, для всех строительных задач 1920–30х годов можно найти схожие примеры в обоих городах.

¹¹ Архитекторы Винфрид Бренне и Хельге Пиц начали свою профессиональную карьеру с реставрации рабочих посёлков г. Берлина. Они сегодня считаются самыми опытными специалистами в области сохранения построек Современного Движения в Германии.

¹² Комплекс жилых домов «На Усачёвке» в Москве, Ул. Усачева, 1928 г. арх. Мешков.

¹³ Станция метро «Крумме Ланке» на Аргентинише Аллее в Берлине.

¹⁴ Жилой дом Бруно Таута, Визентрассе 14, Далевииц, около Берлина, 1927, арх. Бруно Таут.

¹⁵ Бахметьевский Автобусный парк, ул. Образцова 19, 1926–27 г., арх. К. С. Мельников

Дом Мельникова в Кривоарбатском переулке в Москве, 1927–1929, арх. К. С. Мельников. 2004

Жилой дом Бруно Таута в Далевиице около Берлина по плану имеет форму одной четверти круга.¹⁴ Круглая форма напоминает о доме Мельникова, построенного одновременно в 1927 г. в Москве (см. Илл. 5 и 6). Дом Таута во времена ГДР оказался в упадке. С конца 1980-х годов его реставрировал архитектор Винфрид Бренне вместе с другими энтузиастами. Несмотря на все сложности существующей между Западом и Востоком границы, им удалось доставить строительные материалы из одной части в другую, из Берлина в Далевииц. Оба дома построены из кирпича. Мельников, кстати, очень скептически относился к новым материалам того времени. Он предпочитал кирпич и дерево и новаторски использовал традиционные материалы. Тот же самый подход был у Бруно Таута, который в экономически трудные времена должен был очень бережно тратить скромный бюджет жилищных кооперативов. Поэтому он разработал новый способ применения материала и конструкции деталей (конструктивные решения), например его знаменитые окна.

В обоих городах в начале прошлого века появились машины, а с ними и гаражи. В Москве Константин Мельников спроектировал несколько гаражей, самый известный из них, наверно, «Бахметьевский Автобусный парк».¹⁵ В Берлине «Кант-гараж» стал первым

Бахметьевский Автобусный парк, ул. Образцова 19, 1926–27 г., арх. К.С. Мельников. Состояние до реставрации, 2000 г

Бахметьевский Автобусный парк, ул. Образцова 19, 1926–27 г., арх. К.С. Мельников. Состояние 2004

«Кант»-гараж, Кантштрассе 126/127, Берлин, 1929–30, арх. Рихард Паулик и Герман Цвайгенталь. Состояние 2005

многоэтажным гаражом города.¹⁶ Этот гараж является хорошим примером того, что далеко не все постройки современного движения в Германии находятся сегодня в хорошем состоянии. Гараж давно нуждается в реставрации.

Школа им. Макса Таута в Лихтенберге (1931г) в 1990-е годы была частично отреставрирована, и тем не менее до сегодняшнего дня здесь остались военные повреждения.¹⁷ В 2002 году был проведён конкурс на проект реставрации актового зала. Реставрационные мероприятия в данный момент находятся на стадии согласования. В Москве школа «Моно» была построена в 1929 г. как прототип школ 1930-х годов.¹⁸ В конце 1920-х годов была разработана архитектурная программа по созданию новых типов учебных заведений. В общеобразовательную школу внедрялась политехнизация. Школа состояла из нескольких корпусов, объединенных переходами. В 2006 году она закрылась. Сегодня ведется реконструкция всего комплекса зданий школы. Кроме школ типичными задачами строительства 1920-х годов были спортивные комплексы. Строительство стадионов в Советском союзе началось во второй половине 1920-х годов. Как правило, они включали в себя открытый стадион с трибунами и здание спортклуба. Спортгородок и стадион «Динамо» возводились в Петровском парке.¹⁹ Вместимость стадиона в 1928 году составляла 17.500 человек. В Берлине тоже есть стадионы того времени, например, стадион им. Моммзен архитектора Фреда Форбата, построен в 1929 году.²⁰ Стадион состоит из центральной спортивной арены, нескольких небольших игровых полей, кафетерия и автостоянки с бензоколонкой. Удобно расположенный земляной вал возле игрового поля предоставил возможность удачно разместить зрительские трибуны. Стадион принадлежит г. Берлину. С 1998 г. проводились отдельные реставрационные мероприятия в рамках финансовых возможностей городского бюджета: обновление санитарного оборудования и ресторана. В 2000–2001-х годах обновлялась штукатурка уличных и торцевых фасадов на основе исследования оригинального состава штукатурки и красок. Реконструкция остекления, профилей окон лестничных клеток, а также покраска

¹⁶ «Кант»-гараж, Кантштрассе 126/127, Берлин, 1929–30, арх. Рихард Паулик и Герман Цвайгенталь.

¹⁷ Школа им. Макса Таута в Берлин-Лихтенберге, Фишерштрассе 35, 1931 г., арх. Макс Таут.

¹⁸ Школа «Моно» (МОНО – Московский отдел народного образования.), Москва, Зубовский бульвар, владение 5, стр.1, 2; Большой Чудов пер., владение 8, стр. 2, арх. Л. Федоров, М.И. Мотылов, 1929 г.

¹⁹ Стадион «Динамо», Ленинградский пр. 36, Москва, 1928, арх. А.Я. Лангман, Л.З. Чериковер.

²⁰ Стадион имени Момзена, Вальдишулаллея, Берлин, 1930, арх. Фред Форбат.

стен производилась на основе научной документации. Конструкция застекленных лестниц состоит из простых индустриальных профилей. Они напоминают нам о клубе Зуева.²¹

Знаменитый застекленный цилиндр вошел в историю архитектуры. Сколько раз архитекторы по всему миру брали этот мотив для своих проектов? При дефицитной ситуации 1920-х годов такая конструкция оказалась большой редкостью. Еще реже такие конструкции сохранились до сих пор. По-моему, клуб Зуева на сегодня в Москве единственный рабочий клуб 1920х годов, в котором всё-таки немного ощущается аутентичная атмосфера архитектуры авангарда Москвы. Рабочих клубов, построенных в 1920-е годы, в Германии нет. Но есть кинотеатры с большими аудиториями, такие, как кинотеатр «Универзум» архитектора Эриха Мендельсона, построен в 1928–31 года на Курфюрстендамме.²² Мендельсон создал кинотеатр «Универзум» как часть комплекса, включавшего в себя жилые квартиры, гостиницу и кабаре. Световое решение интерьеров и рекламы на фасаде, создание архитектором ночного освещения внутреннего пространства, поставило кинотеатр «Универзум» в ряд значительных мест ночной жизни Берлина «Золотых 1920-х годов». Поэтому «Универзум» считается одним из важнейших примеров архитектуры Современного движения 1920-х годов в Германии. Здание сильно пострадало во время войны. После войны вместо одного зала построили два. В 1960-е годы во многих немецких городах было снесено большое количество ценных исторических памятников из-за экономических сложностей или с целью удобной организации движения машин по городу. Общественность начала протестовать, в результате чего 1975 год был посвящён «Охране Архитектурных Памятников». В последствии протеста появились законы об охране памятников. В 1975 году кинотеатр «Универзум» хотели снести. В конце 1970-х лет его полностью перестроили так, что остался лишь один кусок стены. Новый кинотеатр «Шаубюне» с двумя сценами – это сплошная реконструкция.

В Германии нет и домов-коммун. Однако в 1920-е годы появился новый тип жилья для «берлинского Бюргера», который являлся наёмным рабочим и как житель большого города уже ездил на своей собственной машине на работу. Дом «холостяков» на Кайзердамм организован по типу гостиницы: студии с маленькими кухнями или вообще без кухни.²³ Для

Стадион имени Момзена, Вальдишулаллея, Берлин, 1930, арх. Фред Форбат

Стадион имени Момзена, Вальдишулаллея, Берлин, 1930, арх. Фред Форбат. Деталь лестничного окна. 2003

Реконструированный Кинотеатр «Универзум» Курфюрстендамм 153, Берлин, 1928–1931, Эрих Мендельсон, под театр «Шаубюне», 2004

Рабочий клуб им. Зуева, ул. Лесная, 18, Москва, 1927–1929, арх. И. А. Голосов. Состояние 2005

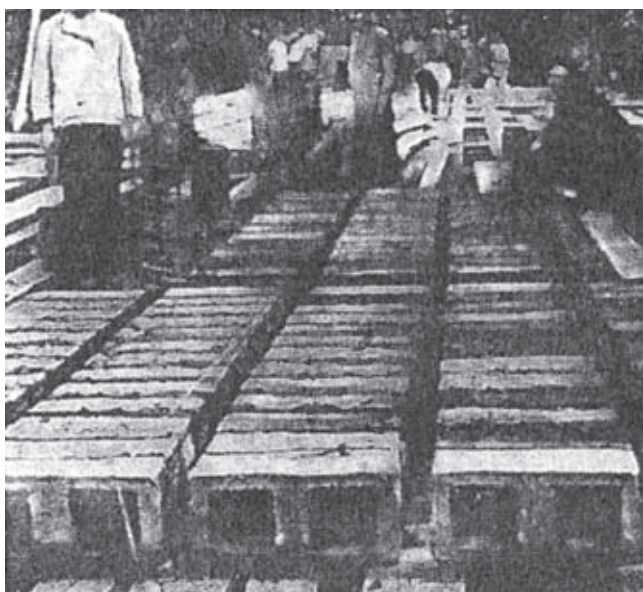
²¹ Рабочий клуб им. Зуева, ул. Лесная, 18, Москва, 1927–1929, арх. И. А. Голосов.

²² Кинотеатр «Универзум» на 1790 мест, Курфюрстендамм 153, Берлин, 1928–1931, Эрих Мендельсон.

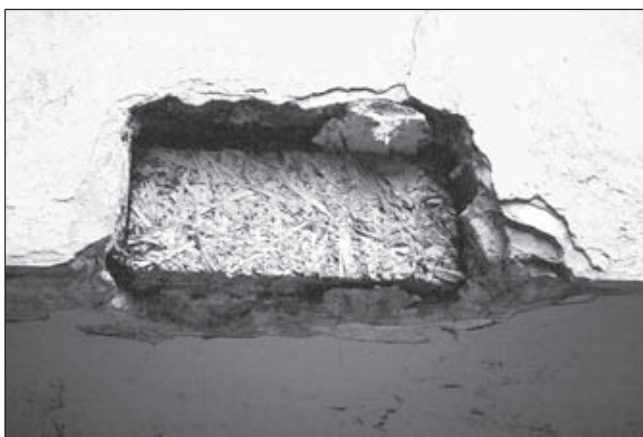
²³ Дом «холостяков», Кайзердамм, Берлин, 1929 г., арх. Ханс Шарун.

Дом «холостяков», Кайзердамм, Берлин, 1929 г., арх. Ханс Шарун, Состояние 2005

Дом-коммуна «Наркомфина», Новинский бульвар, 25, Москва, 1928–1930, арх. М. Я. Гинзбург, И. Ф. Милинис, инж. С. Л. Прохоров. Шлакоблоки, произведённые на стройке

Дом-коммуна «Наркомфина», Новинский бульвар, 25, Москва, 1928–1930, арх. М. Я. Гинзбург, И. Ф. Милинис, инж. С. Л. Прохоров. Фибролит, 2003

питания предполагался ресторан на первом этаже. Его так и не открыли. Вместо него появились магазины. На крыше располагались мастерские. Фасады этого дома проектировал знаменитый архитектор современного движения Ханс Шарун. Проект фасадов был его первым заказом в Берлине. Организация дома без кухонь очень похожа на дом коммуны «Наркомфина».²⁴

Стоит подчеркнуть связь московского дома «Наркомфина» с современным движением в Германии. Во-первых, в истории архитектуры дом считается прототипом идеи «вертикального города» архитектора Ле Корбюзье, т. е. для домов, построенных французским архитектором в 1940–1950-х годах – „Unites d’habitation“ в Марселе (1947), Нанте (1953) и Берлине (1957). Известно, что он общался с Моисеем Гинзбургом, когда приезжал в Москву по проекту постройки «Центросоюза».²⁵ Существует легенда, что Ле Корбюзье взял у Гинзбурга эскизы двухэтажных квартир дома «Наркомфина». Концептуальная идея дома родилась в Москве и этим можно гордиться. Во-вторых, реализованный красочный проект интерьера дома «Наркомфина» спроектировал бывший преподаватель Баухауса Гиннерк Шепер, который работал в 1930 году в Москве в организации «малярстрой».²⁶ В третьих, этот дом является примером соревнования с иностранными архитекторами в развитии новых технологий. Как и при строительстве рабочего поселка «Тортен» в Дессау в 1926 году, Гинзбург и Милинис устроили производство стройматериалов прямо на стройке. Произведённые шлакоблоки обоих объектов очень схожи. В Москве архитекторам удалось реализовать проект согласно своим идеям только потому, что дом «Наркомфина» в своё время был так называ-

²⁴ Дом-коммуна (для посемейного заселения) Новинский бульвар, 25, Москва, 1928–1930, арх. М. Я. Гинзбург, И. Ф. Милинис, инж. С. Л. Прохоров. Экспериментальный жилой дом на Новинском бульваре проектировался на основе разработок секции типизации Стройкома РСФСР, которую возглавлял архитектор М. Я. Гинзбург. Это жилой комплекс так называемого “переходного типа”, в котором изолированные квартиры сочетались с общественными помещениями.

²⁵ Центросоюз, Дом Наркомлегпрома, Пр-т Акад. Сахарова 39, Москва, 1929–36 г., арх. Ле Корбюзье, Н. Колли.

²⁶ Шепер вернулся в Германию и до 1952 года преподавал в Берлинском Техническом Университете.

²⁷ Дом «Ле Корбюзье» в поселке «Вейссенхф» в Штутгарт, Ратенауштрассе 15, 1926 г., арх. Ле Корбюзье и П. Жаннере.

²⁸ Дом «Ле Корбюзье – тип Берлина», Флатоаллея 16, Берлин, 1957 г., арх. Ле Корбюзье, памятник архитектуры с 1995 г.

Дом «Ле Корбюзье – тип Берлина», Флатоаллея, Берлин, 1957 г., арх. Ле Корбюзье. 2004 г

Дом-коммуна «Наркомфина», Новинский бульвар, 25, Москва, 1928–1930, арх. М. Я. Гинзбург, И. Ф. Милинис, инж. С. Л. Прохоров. 2005 г

емым «пилотным» проектом, не только по идейной концепции, но и по организации строительства. Н. А. Милютин, комиссар по финансам того времени, как заказчик проекта и сам «скрытый градостроитель – архитектор», сделал все, чтобы осуществить проект по желанию архитекторов, несмотря на все сложности рынка. Все нужные стройматериалы были получены и поэтому дом был построен абсолютно аналогичным к европейским зданиям современного движения. У дома каменные перекрытия с ксилолитовым полом, как и в Дессау. Ксилолит – типичный материал европейского авангарда. У здания такие же раздвижные окна и такие же крючки, как у дома «Ле Корбюзье» в поселке Вайсенхоф в Штутгарте.²⁷ Архитекторы использовали так называемый «Фибролит» в качестве изоляционного материала наружной поверхности. Это тоже самое, что и наш «гераклит» – типичный материал 1920-х годов.

«Вертикальный город» по теории Ле Корбюзье был построен в Берлине только после войны, в 1957 году.²⁸ Его назвали дом «Ле Корбюзье – тип Берлин». Здание на 550 квартир находится под госохраной с 1995 г. Использованные конструкции и материалы по немецким масштабам плохие. Внешняя стена состоит из 20 см бетона плюс 1 см. «гераклита – фибролита». Постоянно проводятся работы по его сохранению. Дом включен в ряд достопримечательностей окрестности олимпийского стадиона. Каждые выходные приезжают автобусы с туристами. Люди, которые живут в доме Ле Корбюзье, знают, что живут в памятнике, и поэтому им приходится жертвовать комфортом. Но они готовы это выдержать, потому что знают – дом особенный. Будучи памятником он остался современным – как и здание «Наркомфина». К сожалению, дом «Наркомфина» оказался слишком передовым для своего времени и своего места.